

А. В. Гринёв

**ЗАБЫТАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ДМИТРИЯ ТАРХАНОВА
НА МЕДНУЮ РЕКУ**

Изучая историю и этнографию Аляски периода Русской Америки (1741—1867 гг.), автор обнаружил практически неизвестную науке работу — «Журнал странствований и путешествий горной науки унтер-офицера Дмитрия Тарханова»¹, хранящуюся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ОР ГПБ) в Ленинграде².

«Журнал» Дмитрия Тарханова оказался ценнейшим источником по истории, этнографии и географии Русской Америки. Ведь именно Тарханов и его товарищи были, очевидно, первыми европейцами, прожившими почти год среди индейцев тлинкитов. Кроме того, Тарханову, первому из европейцев, удалось побывать в среднем течении реки Медная (Атна, совр. Коппер) и близко познакомиться с обитателями этого района — индейцами медновцами (атапасками атена, или атна).

Данные об авторе «Журнала» как в известных нам трудах исследователей XX в., так и в сочинениях его современников почти полностью отсутствуют. Даже «летописец Русской Америки» К. Т. Хлебников ничего не сообщал о первой зимовке русских среди тлинкитов в 1795/96 г., если не считать беглого указания на этот факт в работе, посвященной жизнеописанию первого главного правителя Русской Америки А. А. Баранова³. Совершенно не упоминает Хлебников и экспедицию Тарханова на Медную реку. «О первых [экспедициях на Медную реку], — писал К. Т. Хлебников, — я не имею верного сведения...»⁴. Ничего не говорится о Дмитрии Тарханове и в монументальном труде видного историка Российско-Американской компании П. А. Тихменева⁵. Пожалуй, единственное упоминание о Д. Тарханове и его экспедиции содержится в статье поручика Корпуса горных инженеров П. П. Дорошина, побывавшего на Аляске в середине прошлого века. «В 1796 году, — писал П. П. Дорошин, — чтоб ознакомиться с жителями реки Медной, из залива Якутат, зимой на лыжах, ходил промышленник Тарханов, и возвратился благополучно»⁶. Однако приводимые Дорошиным сведения неточны, что становится очевидным при изучении «Журнала» самого Д. Тарханова. Во-первых, из Якутата на исследование р. Медная Тарханов отправился

¹ Полное название источника: «Журнал странствований и путешествий горной науки унтер-офицера Дмитрия Тарханова, который находился из числа промысленных [промышленных людей, промышленников]: Российской матерой Америки Г[оспо]д компаниио Шелихова и Голикова с товарищи, с 1794-го октября с 31-го—1798 года июня по 17-е число».

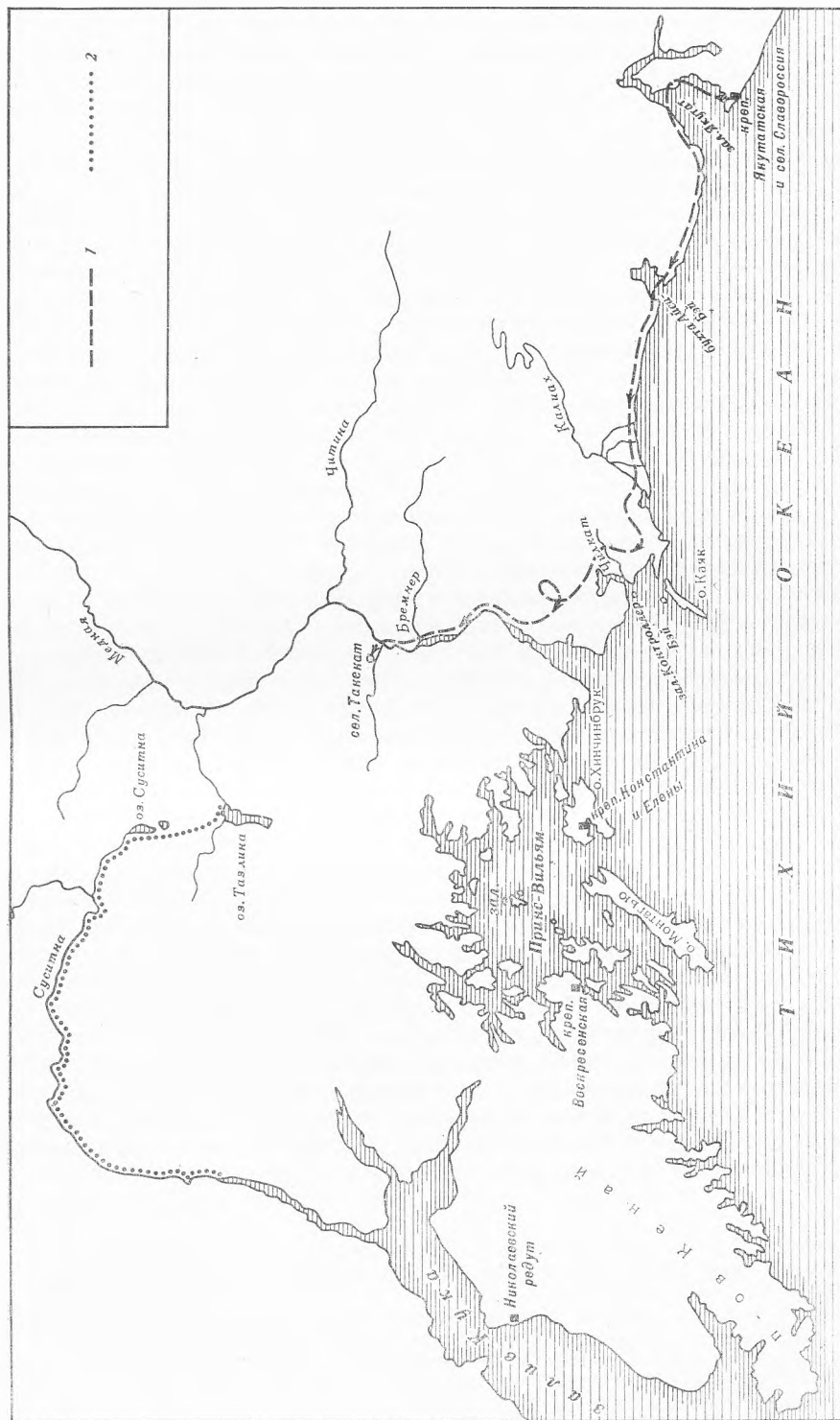
² ОР ГПБ, Сборник Q IV.311. Л. 1—76 (далее — Журнал Д. Тарханова).

³ Хлебников К. Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, Главного правителя Российских колоний в Америке. СПб., 1835. С. 29, 35—36.

⁴ Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова/Сост., введ. и коммент. Ляпуновой Р. Г. и Федоровой С. Г. Л., 1979. С. 53.

⁵ Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. I—II. СПб., 1861—1863.

⁶ Дорошин П. П. Из записок, веденных в Русской Америке//Горн. журн. 1866. Ч. 1. № 3. С. 387.

Карта юго-восточной Аляски
 1 — предполагаемый маршрут Д. Тарханова; 2 — маршрут торговых экспедиций кенайцев

не зимой, а в сентябре 1796 г. Во-вторых, в пути он передвигался не на лыжах, а в индейских снегоступах. В-третьих, Тарханов не был промышленником, а, как и сам П. П. Дорошин, принадлежал к офицерам Горного корпуса. На неточные данные П. П. Дорошина ссылается в одной из своих работ современный американский исследователь У. С. Хэнэйбл⁷.

«Журнал» Дмитрия Тарханова представляет собой записки дневникового характера, выполненные вполне разборчивым почерком с соблюдением правил правописания второй половины XVIII в. Повествование в «Журнале» ведется от первого лица. Содержание излагается в хронологическом порядке (обычно с указанием конкретных дат тех или иных событий). Главное место в «Журнале» уделено рассказу о зимовке русских среди тлинкитов зал. Якутат (якутатцев) в 1795/96 г. и о походе Тарханова на Медную реку с детальным описанием географии региона. Этнографические подробности «вкраплены» в основной текст повествования, а в конце «Журнала» Тарханов даст довольно обстоятельный очерк этнографии тлинкитов Якутата и частично — медновцев.

Как явствует из самого названия источника, его автор побывал на Аляске в 1794—1798 гг. Это были годы быстрого продвижения русских промышленников из района уже хорошо освоенных Алеутских островов, о-ва Кадьяк и Кенайского полуострова в восточном и юго-восточном направлении вдоль побережья материка. Особенно бурную деятельность по исследованию Аляски развил Г. И. Шелихов, обосновавшийся на о-ве Кадьяк в 1784 г. Предприимчивый купец не только руководил организацией пушного промысла, но и создавал в Америке постоянные русские поселения, пытался заложить там основу для развития кораблестроения, сельского хозяйства и для эксплуатации недр. Деятельность Шелихова на Аляске и его проекты освоения ее богатств привлекли внимание царского правительства. Интерес к Русской Америке, в частности к ее минеральным ресурсам, проявила сама императрица Екатерина II⁸. О необходимости заняться поисками на Аляске железных руд говорилось и в «Ордере» иркутского генерал-губернатора И. А. Пиля Г. И. Шелихову⁹. Об этом же в свою очередь писал Шелихов правителю своей компании в Америке А. А. Баранову¹⁰. Очевидно, именно для разведки минеральных богатств края в Русскую Америку был направлен унтер-офицер Горного корпуса Дмитрий Тарханов, прибывший из Охотска на о-в Кадьяк в 1794 г. на судне «Екатерина» вместе с промышленниками компании Шелихова — Голикова.

Среди многообразных задач по хозяйственному освоению Аляски главной Шелихов и Баранов считали развитие пушного промысла и учреждение там новых факторий. Добычей калана (а она долгое время была основой экономики Русской Америки) занимались опытные в морском зверобойном промысле алеуты и эскимосы (конягмиуты и чугачи)¹¹ под начальством нескольких русских промышленников в специально создававшихся для этого партиях из нескольких десятков и даже сотен байдарок. В короткое время промысловые партии истребили калана в районе о-ва Кадьяк и п-ва Кенай и в поисках ценного пушного зверя начали продвигаться все дальше на восток и юг вдоль побережья материка.

⁷ Hanable W. S. Alaska's Copper River the 18th and 19th Centuries. Anchorage, Alaska, 1982. P. 19.

⁸ 1788 г. апреля — августа. Замечания императрицы Екатерины II на доклад Комиссии о коммерции, о плавании и торговле в Тихом океане//Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке/Под ред. Андреева А. И. М., 1948. С. 282.

⁹ 1794 г. мая 11. Ордер иркутского генерал-губернатора И. А. Пиля Г. И. Шелихову//Русские открытия в Тихом океане... С. 328.

¹⁰ 1794 г. августа 9. Письмо Г. И. Шелихова правителю Северо-восточной американской компании А. А. Баранову//Русские открытия в Тихом океане... С. 345.

¹¹ Колягмиуты — эскимосы о-ва Кадьяк. Населяли также побережье материка в районе пр. Шелихова. В русских источниках их именовали обычно «кадьяками», «кадьякскими алеутами» и даже просто «алеутами». Колягмиуты, жившие на материке, были известны русским как «аляскинцы». Эскимосы чугачи, родственные колягмиутам, обитали по берегам и островам зал. Принс-Вильям.

В 1793 г. первая промысловая партия из 180 байдарок во главе с четырьмя русскими промышленниками дошла до зал. Якутат, по берегам которого жили воинственные индейцы тлинкиты, известные русским как «кóлюжи» или «кóлоши» («колюжцы» — у Тарханова). Уже в следующем году на промысел в район Якутата отправляется с Кадьяка крупная партия из 500 байдарок кадьякцев, аляскинцев и чугачей. Именно в Якутате и решил заложить новое русское поселение А. А. Баранов. Основание новой базы на побережье материка было необходимо как для отдыха «партовщиков»¹² после трудного и опасного промысла, так и для закрепления ранее исследованных территорий за Россией¹³. Создание нового поселения в этом районе планировал еще Г. И. Шелихов. Согласно его замыслу, оно должно было стать земледельческой житницей Русской Америки и в перспективе — ее столицей¹⁴. Для этого предполагалось расселить на новом месте 30 семей сибирских поселенцев («посельщиков»).

Весной 1795 г. Баранов отправил с Кадьяка промысловую партию в Якутат, а затем транспорт с людьми для устройства нового поселения. Партия в Якутате была враждебно встречена тлинкитами и, не останавливаясь, пошла дальше на юг вдоль побережья. Судно с поселенцами так и не достигло Якутата, поскольку недостаток пресной воды заставил экипаж вернуться на Кадьяк¹⁵.

8 августа 1795 г. сам А. А. Баранов явился в Якутат на судне «Ольга». Вместе с ним находился и унтер-офицер Горного корпуса Дмитрий Тарханов. Баранов разбил палатку на морском мысе и занялся закупкой пушнины у индейцев, а также переговорами с их вождем («тойоном»). У старого вождя Баранову удалось вытребовать в заложники-аманаты его сына (хотя, скорее, это был племянник вождя, так как у тлинкитов наследником считался сын сестры). Вместо аманата в Якутате были оставлены Д. Тарханов, а также пять промышленников, два поселщика (один из них с женой), трое кадьякцев и алеутка-толмачка. Тарханов получил провиант, пять «сум» бисера и бус, несколько рубах, табак и ветхий невод¹⁶. Баранов же отправился на юг для исследования проливов архипелага Александра. На обратном пути он якобы намеревался зайти в Якутат, но, по данным К. Т. Хлебникова, сильные осенние штормы помешали ему осуществить это намерение¹⁷.

Через некоторое время после ухода Баранова из Якутата продовольствие у оставшихся там русских кончилось, и среди них начался голод. Правда, незначительное количество продуктов русские получали от индейцев в обмен на имевшиеся у них товары. Кроме того, Тарханов приобрел у тлинкитов несколько дубленных тюленьих шкур, необходимых для постройки байдарки. Одарив вождя якутатцев («господина тойона»), он расположил его к себе и добился разрешения пользоваться рыболовными и охотничьими угодьями индейцев. Более того, старый вождь дал даже в помощь русским одного из своих людей. Построив байдарку, зимовщики стали заниматься морским промыслом и рыбной ловлей, что и позволило им дожить до весны (1796 г.). Весной же, как отмечает Тарханов, у русских опять начался голод. Выменивать продукты у индейцев стало почти невозможно, так как те в это время сами испытывали недостаток продовольствия¹⁸.

¹² «Партовщиками» в Русской Америке называли русских промышленников, возглавлявших промысловые партии. Этот термин употреблялся и в отношении туземцев — участников таких партий. Здесь и далее слово «партовщик» будет использоваться в последнем значении.

¹³ Впервые русские побывали в Якутате еще в 1788 г., во время экспедиции на галиоте «Три Святителя» под командованием Г. Г. Измайлова и Д. И. Бочарова. См. Шелихов Г. И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам/Под ред., с предисл., послесл. и примеч. Полевого Б. П. Хабаровск, 1971. С. 99—104.

¹⁴ 1794 г. августа 9. Письмо Г. И. Шелихова правителю Северо-восточной американской компании А. А. Баранову//Русские открытия в Тихом океане... С. 338—345.

¹⁵ Хлебников К. Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова... С. 28.

¹⁶ Журнал Д. Тарханова. Л. 5—6.

¹⁷ Хлебников К. Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова... С. 29.

¹⁸ Журнал Д. Тарханова. Л. 8—10.

В начале лета индейцы, переселившись для летнего промысла на морское побережье, увезли с собой на маленький островок и русских, которых они рассматривали как заложников за отданного Баранову аманата. Для русских наступили особенно тяжелые дни. Они, как писал Тарханов, едва не умерли от голода, поскольку индейцы мало заботились об их пропитании. К счастью, 19 июня 1796 г. в Якутат подошла промысловая партия, посланная Барановым с Кадьяка, а 20 июня прибыл пакетбот «Орел» под командованием Е. Я. Шильдса. Рассказывая о прибытии партии, Тарханов подмечает любопытную деталь: еще находясь в 146 верстах от Якутата (у о-ва Каяк), русские выслали к якутатцам в качестве парламентаров индейцев эяков¹⁹, которые должны были предупредить тлинкитов о приходе байдарочной флотилии. Уже достигнув Якутата, партовщики просили тлинкитов позволить им пользоваться их охотничьими угодьями и не мешать партии в плавании далее к югу вдоль побережья материка. Якутатцы дали на это свое «дозволение». «А прежде,— писал Тарханов,— в 1795 году в июне ж месяце оная партия намерение имела у них в урочищах попользоваться промыслом — но допущены быть не могли оными колюжцами, едва от ихнего нападения обратно могли уйтить в байдарках, а они, колюжцы, в то время большими байдарами гнались [за ними] далече, но не могли догнать»²⁰.

По прибытии в Якутат байдарочной партии и пакетбота между русскими и индейцами состоялись переговоры, в результате которых якутатцы отпустили с партией трех товарищей Тарханова. Позднее и самому Тарханову, хотя и с большим трудом, удалось получить от якутатского вождя разрешение отбыть на пакетбот. Часть оставшихся среди якутатцев русских была «выручена» с помощью подарков, а остальные бежали из индейского селения на судно (к этому времени тлинкиты опять перевезли их с острова в свое селение)²¹.

Так завершилась первая зимовка русских среди индейцев тлинкитов. Значение ее определялось тем, что она способствовала налаживанию добрососедских отношений русских с местными жителями. Вот что писал по этому поводу А. А. Баранов своему ближайшему помощнику И. А. Кускову: «...Оставлено было мною в Якутате восемь человек [русских]: но пребыли безвредно, а через то мы теперь с народами [якутатцами] в совершенной дружеской связи и отоль лучшия теперь получают в компанию выгоды...»²². Зимовка партии Тарханова в Якутате подготовила благоприятную почву для последующего основания здесь постоянного русского поселения.

В конце июня 1796 г. в Якутат пришло судно «Три Святителя», на котором были доставлены поселщики, а в середине июля на кутере²³ «Ольга» прибыл сам А. А. Баранов. Вместе с Тархановым он объездил окрестности зал. Якутат, пока не нашел удобное для поселения место²⁴. Недалеко от берега океана была заложена крепость, а на некотором расстоянии от нее, у устья маленькой речки,— селение. Крепость была названа Якутатской, а селение, как и предписывал в свое время Г. И. Шелихов²⁵, было наименовано «Славороссией» («Новороссийск»).

Крепость первоначально, по описанию Тарханова, состояла из деревянных заграждений («рогаток») и трех батарей, окруженных рвом, а

¹⁹ Индейцы эяки обитали на побережье материка к северо-западу от зал. Якутат до зал. Контроллер-Бэй. Русским они были известны как «угалахмюты», «агалахмюты» («угалаймытцы» — у Тарханова), по этнониму, данному эякам их соседями — эскимосами чугачами. Позднее русские стали обозначать эяков также этнонимом «угаленцы».

²⁰ Журнал Д. Тарханова. Л. 12.

²¹ Там же. Л. 13—14.

²² Отдел рукописей Всесоюзной государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ОР ГБЛ). Ф. 204. К. 32. Ед. хр. № 3. Л. 9.

²³ Кутер (куттер) — небольшое одномачтовое судно с косыми парусами.

²⁴ В «Журнале» Тарханова имеется подробное географическое описание зал. Якутат и прилегающих районов (см. Журнал Д. Тарханова. Л. 16—18).

²⁵ 1794 г. августа 9. Письмо Г. И. Шелихова правителю Северо-восточной американской компании А. А. Баранову//Русские открытия в Тихом океане... С. 342.

селение—из избы («барaborы») с двумя пристроенными амбарами, один из которых был укреплен и имел батарею. Кроме того, в селении были заложены склад на столбах для хранения продовольствия, кузница, кухня, коптильня, баня и казармы. На речках вблизи поселения были устроены рыбные запоры. Всего в строительстве принимало участие около 80 русских²⁶. Тлинкиты в это время не беспокоили поселенцев. По словам очевидца событий Ф. А. Кашеварова, «колоши тогда не смели пошевелиться против русских, а однако ж партовщиков временно захватывали и обижали, но вскоре отдавали и удовлетворяли»²⁷.

В строительстве поселения в Якутате некоторое время непосредственно участвовал и Дмитрий Тарханов. Однако осенью 1796 г. начался новый этап его американской эпопеи. «По согласию» Баранова, 10 сентября 1796 г. Д. Тарханов отправился на исследование Медной реки. Целью экспедиции было отыскание в ее верховьях морского залива или больших озер, соединяющихся с морем²⁸. Следует отметить, что в те годы открытие путей, ведущих с Аляски в Гудзонов залив, было одной из основных задач по исследованию Северной Америки, которые ставил перед собой А. А. Баранов²⁹. По-видимому, разрешением этой задачи и должен был заняться Д. Тарханов. Кроме того, ему, возможно, предписывалось разведать месторождения меди в верховьях Медной реки, о которых русские узнали от эскимосов чугачей еще в 1783 г.³⁰ «...Нехудо, ежели и американской меди старанием вашим сыщется с Медной реки...»,— писали в совместном послании А. А. Баранову Г. И. Шелихов и А. Е. Полевой³¹. «О меди Американской давно есть мое намерение забраться на Медную реку...»,— отвечал им А. А. Баранов³². И более всего для этой цели подходил, очевидно, унтер-офицер Горного корпуса Дмитрий Тарханов.

В начале экспедиции Тарханов вместе с сыном (племянником?) якутатского вождя Федором (тем самым аманатом, которого Баранов брал с собой на Кадьяк в 1795/96 г.)³³ и еще несколькими тлинкитами переправился на каноэ в глубь Якутатского залива, к селению вождя Елтеха. Елтех был вождем «угалямыцкого жила», т. е. селения эяков, живших, по данным Тарханова, «изнутри Якутатской губы»³⁴. Следовательно, еще в конце XVIII в. в районе зал. Якутат обитали индейцы эяки — остатки древнего автохтонного населения этого региона, ассимилированные впоследствии тлинкитами.

Из селения Елтеха Тарханов с семьей эяками Якутата (включая и самого вождя Елтеха) отправился пешком вдоль тихоокеанского побережья (через территорию племени эяков) на северо-запад, стремясь достичь Медной реки. С ним шли в район мыса Якатага также несколько тлинкитов «для родства, свидания и торгу» с эяками³⁵. Очевидно, в кон-

²⁶ Журнал Д. Тарханова. Л. 19—21.

²⁷ Ситников Л. А. Материалы для истории Русской Америки («Ответы» Филиппа Кашеварова)//Новые материалы по истории Сибири досоветского периода/Отв. ред. Покровский Н. Н. Новосибирск, 1986. С. 94.

²⁸ Журнал Д. Тарханова. Л. 22.

²⁹ Ответ Баранова Шелихову и Полевому от 20 Мая 1795 г. из Павловской гавани//Тихменев П. А. Указ. раб. Ч. II. СПб., 1863. Приложение. С. 84—85.

³⁰ Выписка из журнала штурмана Потапа Зайкова, веденного на судне «Св. Александр Невский» в 1783 г.//Тихменев П. А. Указ. раб. Ч. II. СПб., 1863. Приложение. С. 7.

³¹ Письмо Шелихова и Полевого к Баранову из Охотска от 9-го августа 1794 г.//Тихменев П. А. Указ. раб. Ч. II. СПб., 1863. Приложение. С. 72.

³² Ответ Баранова Шелихову и Полевому от 20 Мая 1795 г.//Тихменев П. А. Указ. раб. Ч. II. СПб., 1863. Приложение. С. 94.

³³ Находясь на Кадьяке в аманатах, этот тлинкит был там, вероятно, окрещен и получил имя Федор. По данным К. Т. Хлебникова, его крестным отцом был сам А. А. Баранов (*Хлебников К. Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова...* С. 103). Если «тоен Федор» (под таким именем он упоминается в документах) был действительно окрещен на Кадьяке в 1795/96 г., то это был, по-видимому, первый тлинкит, принявший православие.

³⁴ Журнал Д. Тарханова. Л. 22—23.

³⁵ Там же. Л. 31.

це XVIII в. между тлинкитами Якутата и эяками существовал довольно регулярный торговый обмен, закреплявшийся, как это нередко бывало, брачными связями.

Путешествие Тарханова от зал. Якутат до Ледяной бухты (совр. Айсн-Бэй) и от нее до «галямыцкого жила» (селения эяков) у р. Халтех (совр. Калиах) продолжалось почти 2 месяца (до 3 ноября 1796 г.). Этот поход был для Тарханова весьма нелегким. В «Журнале» он жалуется на якутатцев, которые совершенно не помогали ему нести его вещи, помощь в транспортировке взятого им с собой груза оказали лишь эяки вождя Елтеха. Сам Тарханов нес продовольствие, товары и оружие общим весом в 1 пуд 12 фунтов. Особенно тяжело ему было, когда приходилось идти по пересеченной местности в снегоступах, от которых сильно стирались и болели ноги, что впоследствии пагубно сказалось на его здоровье.

В «Журнале» Тарханова содержится довольно подробное описание пройденных им районов. Попадавшиеся на пути речки путешественник обычно нумеровал, хотя иногда употреблял и их туземные названия: Чах, Кац, Лах и т. д.³⁶ Всего, по подсчетам Тарханова, путники прошли от Якутата до р. Халтех около 285 верст.

Добравшись до селения эяков, Тарханов и его спутники смогли, наконец, отдохнуть. Погостив здесь некоторое время, часть тлинкитов отправилась назад в Якутат, а другие остались у своих родственников-эяков. Тарханов также на несколько месяцев задержался в эякском селении. Местные индейцы отнеслись к нему, видимо, неплохо, поскольку все это время снабжали его продовольствием. Живя среди эяков, Тарханов даже немного научился их языку. С 3-го по 18-е января 1797 г. он занимался исследованием окрестностей р. Халтех, а 4 февраля вместе с семьей эяками двинулся на запад «для свидания и торгу», в маленькое селение Чилку (Чилху) в 128 верстах от р. Халтех, к эякскому вождю Таэтэ³⁷.

Неделю жил Тарханов у Таэтэ, уговаривая пришедших с ним эяков отправиться дальше на северо-запад, в страну индейцев медновцев. Но его бывшие спутники отказывались следовать далее, ссылаясь на непогоду, большие расстояния и страх перед жителями Медной реки. И все же при помощи подарков Тарханову удалось склонить вождя эяков проводить его на север. Вместе с вождем Таэтэ и двумя индейцами, которые тащили нарты с продовольствием и товарам, отважный путешественник 17 февраля 1797 г. выступил в район Медной реки. В это время Тарханов находился вблизи зал. Контроллер-Бэй, так как он упоминает в своем «Журнале» р. Чилкат неподалеку от устья Медной реки³⁸, на которой впоследствии, очевидно, и было основано тлинкитское селение Чилкат³⁹.

Путешествие Тарханова с тремя эяками оказалось недолгим. Вскоре путники набрали на хижину медновцев, где жил один из их вождей с семьей и двумя рабами («калгами»). Тарханов в примечании объясняет слово «калга» так: «по-русски: крепостные люди»⁴⁰.

К моменту прихода Тарханова к медновцам в их хижине находился брат главного вождя этих индейцев. Тарханов одарил его бисером и табаком «для знакомства» и вместе с ним отправился дальше в глубь земель атапасков атена. Однако в пути они едва не погибли от холода во время метели и были вынуждены вернуться назад. Новая попытка также кончилась неудачей: путники заблудились в районе устья Медной реки. К счастью, их следы заметил один из индейцев атена, который сообщил

³⁶ Там же. Л. 29—30.

³⁷ Там же. Л. 31—35.

³⁸ Там же. Л. 37.

³⁹ Krause A. The Tlingit-Indians. Seattle and London, 1956. P. 66, 270. По данным Ф. де Лагуны, это селение принадлежало тлинкитизированному эякскому роду калиах-кагвантан (*Laguna F. de. Under Mount Saint Elias: The History and Culture of the Yakutat Tlingit.* P. 1. Wash., 1972. P. 103—104).

⁴⁰ Журнал Д. Тарханова. Л. 39.

об этом своему вождю Калтышу, и вскоре путешественники с помощью посланных вождем рабов добрались до его селения (5 марта 1797 г.)⁴¹.

Трудности и тяготы предыдущих походов не остановили Тарханова в намерении побывать в верховьях Медной реки. Долго уговаривал он братьев Калтыша — Нокуласту⁴² и Такеха помочь в походе вверх по реке. Объяснялся он с ними на эякском языке. С эякского сказанное приходилось переводить на язык атена. Тарханов даже пытался проповедовать среди медновцев христианство. Уговоры и подарки «увегостили» индейцев, и они дали Тарханову в проводники двух своих рабов. Выменяв у медновцев па бисер сушеной рыбы (юколы), он продолжил свое путешествие на Медную реку⁴³.

12 марта (?)⁴⁴ 1797 г. Тарханов со своими спутниками достиг Медной реки и начал продвигаться вверх по течению. Этот поход едва не оказался для него последним: продовольствие быстро кончилось, и, чтобы не умереть от голода, Тарханов вместе с индейцами был вынужден есть вареную тюленью кожу и еловую кору. Медленно, шатаясь от голода и усталости, брели путники вверх по течению Медной реки. Лишь примерно 20 апреля (?) они с великим трудом добрались, наконец, до селения медновцев Такекат, главным вождем которого был тот самый Калтыш, с которым Тарханов встречался уже у устья Медной реки. Тарханов писал в «Журнале», что Калтыш вместе со своими братьями, семьей и рабами спускается осенью на байдарах к устью Медной реки для заготовки юколы⁴⁵. Вероятно, Калтыш вел там также выгодную торговлю медью, которую его соплеменники добывали в верховьях реки.

Селение, в которое попал Тарханов, располагалось на р. Кенна — притоке Медной реки и состояло из нескольких «барабор» — зимних хижин индейцев атена. Хижины строились из деревянных плах и служили жилищем для одной семьи. В таких хижинах индейцы жили обычно только зимой, а летом (с мая) перебирались в летние бараборы. Но описания летних жилищ Тарханов, к сожалению, не дал.

Дмитрий Тарханов был первым европейцем, посетившим медновцев (рис. 1). В хижине, где он поселился, перебивали все индейцы селения, «потому что русских никогда не видали»⁴⁶. С самого начала у Тарханова с местными жителями сложились очень хорошие отношения. Индейцы наделили его юколы и «соболей» (куниц), а он им в свою очередь — бисера и корольков (крупные прозрачные бусы обычно голубого цвета). Слух о пребывании в селении Такекат белого человека быстро разнесся среди медновцев. С верховьев Медной реки приходили индейцы, чтобы посмотреть на него, и, как писал сам Тарханов, «звали к себе на жила»⁴⁷.

Но принять их приглашения Тарханов уже не смог: тяготы предыдущих походов подорвали его здоровье; особенно болели ноги, которые он совершенно стер во время хождения в снегоступах. И все же, едва поправившись, Тарханов совершил короткую вылазку в селение вождя Ценнасты, где прожил 3 дня, а затем побывал еще в одном селении медновцев.

Находясь среди индейцев, Тарханов выменивал у них на захваченные с собой товары пушнину, дубленые лосиные и оленьи шкуры, одежду из шкурок сурков. Не забывал он и о своей основной миссии — сборе информации о районе верховьев Медной реки. По его просьбе, индейцы чер-

⁴¹ Там же. Л. 39—44.

⁴² Тоев (вождь) Накуласта, живший в нижнем течении Медной реки, упоминается и в журнале путешествия промышленника Поточкина на Медную реку в 1798/99 г. (см. Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках... С. 53—54).

⁴³ Журнал Д. Тарханова. Л. 45.

⁴⁴ В источнике стоит «12 апреля». Но, очевидно, Тарханов в своем «Журнале» перепутал последовательность месяцев (март-апрель), так как ниже он пишет, что шел по Медной реке в марте, а скорее всего — в марте-апреле, когда еще можно было двигаться по льду Медной реки.

⁴⁵ Журнал Д. Тарханова. Л. 51.

⁴⁶ Там же. Л. 52.

⁴⁷ Там же. Л. 53.

Рис. 1. Индеец атена. В правой руке у него костяной томагавк из рога оленя-карибу; на шее висит кинжал в лосиных ножах. Рис. автора статьи

тили на земле планы этого района, которые Тарханов затем, переспрашивая предварительно несколько раз информаторов, перенес на бумагу. Согласно сообщениям медновцев, в верховьях реки жили некие «келхени» в восьми бараборах, каждая из которых отстояла от другой на «день пути». По подсчету Тарханова, ближайшая барабора келхеней располагалась от последнего жилища медновцев в 45—50 верстах вверх по Медной реке. «Зимой,— писал Тарханов со слов медновцев,— выходят [келхени] к озеру Балтыбеле. Имеют торг с проходящими с другого жила Нечиль [людьми], которые по показанию медновских крест кладут с левого плеча. Поторговавшись, [те люди] уходят обратно в свое место, а келхени остаются у онаго озера и имеют промысел пушных разных зверей, сохатых, оленей»⁴⁸.

Келхени, о которых рассказали Тарханову медновцы, являлись, очевидно, группой верховых атена с рек Галкана или Галкона, известных впоследствии русским как «колчане», или «гольчане»⁴⁹. Индейцы, приходившие к верховым атена для торговли и умевшие осенять себя крестным знамением, были, надо полагать, кенайские торговцы (атапаски танаина), знакомые с русскими из Николаевского редута («жило Нечиль?») на побережье зал. Кука. Товарообмен между кенайцами и атена происходил, вероятно, в окрестностях оз. Тазлина, из которого брал свое начало один из правых притоков Медной реки. Сведения об этом, собранные впервые Дмитрием Тархановым, полностью под-

тверждаются данными П. П. Дорошина, который писал: «...Выше устья реки Дикой, но уже с правой стороны, впадает в Медную реку Тэшлина [Тазлина], текущая из озера Бантиль-бана (у Врангеля — Мантиль-бана), называемого русскими Плавежным (в широте 62°10' и в долготе 149°00'). Через это озеро медновцы имеют сношения со своими соплеменниками кенайцами»⁵⁰.

Кенайские торговцы, приходившие к оз. Тазлина («Балтыбеле») для встречи с медновцами, поднимались вверх по течению р. Суситна, вытекающей из одноименного озера, расположенного неподалеку от оз. Тазлина. О торговых походах кенайцев вверх по Суситне («Сушитне») сообщал еще в 1800-х годах русский морской офицер Г. И. Давыдов⁵¹. В 1810-х годах уже сами медновцы стали спускаться по Суситне к морю и даже посещать Николаевский редут⁵².

Услышав о келхенях и неведомом народе, который умеет креститься, Тарханов загорелся желанием дождаться у медновцев прихода келхеней и вместе с ними отправиться в верховья Медной реки, чтобы провести там лето, а зимой побывать на оз. Балтыбеле. Но тяжелая болезнь по-

⁴⁸ Там же. Л. 57.

⁴⁹ Этноним «колчане» русские употребляли не только по отношению к верховым атена, но и к атапаскам танана (прежде всего к верховым танана — набесна) с тенденцией перенесения этого термина на другие атапаскские племена, обитавшие в глубинах Аляски.

⁵⁰ Дорошин П. П. Указ. раб. С. 383.

⁵¹ Давыдов Г. И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. Ч. II. СПб., 1812. С. 136—138.

⁵² Донесение М. Кондакова, 1817 г. // Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках... С. 76.

мешала ему осуществить эти намерения, и он вынужден был возвратиться на побережье, к устью Медной реки. Перед отъездом Тарханова, 3 мая 1797 г., «жители медновские своим умышлением сделали крестообразно столб и поставили на сопке над яром в знак прихода русского»⁵³. После этого Тарханов при помощи дружески настроенных индейцев спустился в байдаре вниз по реке, а затем вдоль морского побережья добрался до артели промышленников компании П. С. Лебедева-Ласточкина, куда прибыл 17-го мая⁵⁴. Через 2 дня сюда подошла с Кадьяка промысловая партия, посланная Барановым в проливы архипелага Александра для промысла каланов. Тарханов сдал в партию всю выменянную им у медновцев пушнину и шкуры, а сам отправился на Кадьяк, где в июне 1797 г. рапортовал А. А. Баранову о результатах своей экспедиции на Медную реку. После этого он некоторое время занимался разработкой железорудных месторождений на Кадьяке, а также другой работой. Однако тяготы и трудности экспедиции на Медную реку сказались на здоровье Тарханова, и 17 июня 1798 г. из-за хронической болезни он был уволен со службы и инвалидом отбыл из Русской Америки на судне «Феникс» в Охотск⁵⁵.

Так печально закончилась американская эпопея унтер-офицера Горного корпуса Дмитрия Тарханова — первого исследователя Медной реки, ныне почти забытого.

В работе Тарханова содержится не только повествование о его пребывании в Якутате и на Медной реке, но и рассказ о жителях, о которых он пишет в самом конце «Журнала». Основное внимание в своем этнографическом обзоре Тарханов уделил тлинкитам Якутата и частично — медновцам. Якутатцы и их соседи эяки жили, по свидетельству Тарханова, в домах из толстых досок с полом из деревянных плах и с внутренними перегородками, которые отгораживали спальни отдельных семей. Посреди дома располагался очаг, на котором его обитатели готовили пищу. Жилища индейцев сооружались всегда у рыбных речек вблизи морского побережья. Всего в каждом доме, по подсчету Дмитрия Тарханова, могло жить до 15 семей, которые составляли отдельное домохозяйство — основную экономическую и социальную ячейку тлинкитского общества. «Живут в бараборах семей до пятнадцати, — писал он, — никаких [склонностей] к соре, вздору и сплетням не имеют, кроме приятности приветствия, любви друг к другу»⁵⁶.

Из источника явствует, что основными видами хозяйственной деятельности тлинкитов Якутата было прежде всего рыболовство, а также охота и собирательство. Тарханов подмечает существование у якутатцев своеобразного «загонного рыболовства». Индейцы во время нереста лососевых (а это был основной продукт питания жителей северо-западного побережья) устанавливали на речке несколько рыбных ловушек («морд»). Затем они отправлялись вверх по течению, откуда плыли назад, колотя по каное палками, ударяя гарпунами по воде и загоня тем самым испуганную рыбу в свои ловушки. Добравшись до них, писал Тарханов, «вынимают морды с умножением великим, едва притянут с рыбой к берегу»⁵⁷.

В «Журнале» Тарханова содержится первое довольно подробное описание хозяйственного цикла индейцев тлинкитов с указанием конкретных месяцев, когда преобладали те или иные виды экономической активности. Вот что он сообщал, например, о заготовке якутатцами жира рыбы-свечи (эулахона), занимавшего важное место в рационе питания индейцев северо-западного побережья: «Февраля в первых числах [ловят] сак-рыбу, ...кладут в кучи, чтоб прокисла. Потом в корытах через воду парят каменными камнями и сверху жир сьмают в посудины и употребляют в пищу. У оной рыбы жир густой»⁵⁸.

⁵³ Журнал Д. Тарханова. Л. 59.

⁵⁴ Там же. Л. 60.

⁵⁵ Там же. Л. 60—61.

⁵⁶ Там же. Л. 63.

⁵⁷ Там же. Л. 64.

⁵⁸ Там же. Л. 64—65. См. также л. 18.

Рис. 2. Тлинкитка с деревянной «калужкой» — втулкой, вставленной в разрез под нижней губой. Рис. автора статьи

Рассказывая о материальной культуре тлинкитов Якутата, Тарханов особенно подробно останавливается на описании их одежды и украшений. Мужчины, по его свидетельству, носили в конце XVIII в. длинные рубахи из шкур пушных зверей («парки») и накидки из шкур медведей и сурков, а также из разноцветного сукна, выменянного у английских торговцев. Зимой этот костюм дополнялся теплым меховым плащом, а на ноги надевали штаны и «торбасы» — сапоги из дубленой тюленьей кожи, на руки — рукавицы, а шею обвязывали своеобразным «шарфом» из шкурки пушного зверя. Еще одна такая шкурка, повязанная вокруг головы, служила зимней шапкой. Внутри дома мужчины ходили только в набедренных повязках. Каждый из них постоянно имел при себе кинжал в лосиных ножнах. Обычным оружием были также лук со стрелами и копьё. Говоря о защитном вооружении воинов, Тарханов упоминал типичные тлинкитские доспехи в виде кирасы из деревянных дощечек и палочек, оплетенных китовыми жилами. Поверх этих деревянных «лат» надевалось по две рубахи из толстой лосиной кожи, предохранявшие воина от вражеских стрел. Дополнительной защитой служили тяжелый резной деревянный шлем и забрало⁵⁹.

О мужских украшениях Тарханов не пишет ничего, отмечая, правда, что среди якутатцев, эяков и атена практиковался обычай татуировки плеч. Наколка различных фигур производилась иглой, и в ранки втирался древесный уголь. В более ранний период, сообщал Тарханов, индейцы татуировали и подбородок, но в его время этот обычай был уже оставлен⁶⁰.

Одежда и украшения женщин-тлинкиток несколько отличались от мужских. Основой женского костюма были длинная рубаха из замши с поясом и меховая накидка. На ногах женщины носили «чиги», очевидно нечто вроде гамаш, составлявших единое целое с мокасинами. Волосы заплетали в косы и украшали их бисером. Бисер носили и в ушах в виде подвесок (до восьми в каждом ухе). На пальцы надевали медные и «зеленые» (нефритовые?) кольца. Среди других женских украшений Тарханов отметил характерные для тлинкиток деревянные втулки, вставляв-

⁵⁹ Там же. Л. 15, 68, 75.

⁶⁰ Там же. Л. 75—76.

шиеся в разрез под нижней губой. Он добавляет, правда, что обычай носить втулку постепенно исчезает среди якутатских женщин⁶¹ (рис. 2).

В «Журнале» Дмитрия Тарханова, пожалуй, впервые письменно зафиксирована сцена камлания тлинкитского шамана: «Шаманство имеют. Раскладут из кражей огня среди бараборы, соберутся тугошние все жители даже до малого. На пол положат шесты, бьют по оному все часто и поют по своему разговору [на своем языке]. Шаман весь выкрасится орловым пухом [обсыпет орлиным пухом], лицо, волосы. Бегаёт вокруг огня и кричит сам. Голову загнет на затылок, остановится и обоймет алеута [в данном случае речь идет, очевидно, о помощнике шамана]. Разговаривает свирепым образом, тот алеут таким же образом отвечает. Шаман закричит, побежит от него опять вокруг огня и те [зрители] заколотят [по полу]. Так делается раз до 8-ми [то есть два раза по четыре: „4“ — священное число у тлинкитов]. Потом возьмет болванов [изображения тотемов, либо шаманские атрибуты] наподобие птицы, рыбы, выдры носит на руках. На голову надевает попеременно [изображения] раскрашенных разных птиц, оные все выигрывает [разыгрывает, изображает]. И кончит свое шаманство. Более шаманство производят зимой»⁶². Тарханов добавляет, что обычно камлание происходит ночью, а после него все присутствующие угощаются ягодами с вареной икрой и тюленьим жиром. Заканчивая обзор религиозного культа тлинкитов, он отметил и такое суеверие индейцев: они не сушили рукавицы над огнем, так как верили, что в противном случае будут дождь, ненастье и шторм⁶³.

Находясь долгое время среди якутатцев, Тарханов обратил внимание на значительное развитие у них прикладного искусства: «малевать или что вырезывать весьма мастера». Это же, по его замечанию, было характерно и для более южных тлинкитских групп: «в колошах тож художество имеется»⁶⁴.

Материал о медновцах и эяках представлен в «Журнале» Тарханова в гораздо меньшем объеме, чем о якутатцах, среди которых он прожил почти год. Об эяках сообщается лишь, что зимой, в январе, они устраивали поминки (потлачи?) по своим умершим сородичам⁶⁵. О медновцах сказано несколько более подробно. Тарханов начинает с описания их одежды, очень напомилавшей одежду якутатцев. Затем он касается основных занятий медновцев: «Пропитание [имеют] от Медной реки красною рыбою, которая идет от моря [на нерест] в июне месяце, добывают [се] саком [сачком], связанным из звериных жил мережою, и сушат на лабазах юколой; свежую квасят в ямах, головы, кишки топят камнями [при помощи раскаленных камней] в деревянных колодах... Осенью и весною копают коренья, промышляют кроликов, осенью и весною [ловят] еврашек [сусликов] летом петляями»⁶⁶. Охотничье и боевое оружие медновцев состояло, по свидетельству Тарханова, из луков и стрел, топоров (палиц-томагавков из оленьего рога?), железных и медных кинжалов и копий с железными наконечниками⁶⁷. Упоминание в основном тексте повествования о «калгах» (рабах), которых имели вожди медновцев, говорит о том, что общество этих индейцев было уже социально неоднородным. Следовательно, еще в конце XVIII в. социальное расслоение в среде атапасков атена достигло того уровня, когда выделлась уже особая категория бесправного населения — рабов. А это в свою очередь может служить показателем относительно высокой ступени развития общества и экономики, на которой базировалось это общество.

Из всех туземцев Русской Америки, с которыми приходилось сталкиваться Дмитрию Тарханову, более всего по душе ему пришлось меднов-

⁶¹ Там же. Л. 67.

⁶² Там же. Л. 69—70.

⁶³ Там же. Л. 70.

⁶⁴ Там же. Л. 71.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. Л. 72.

⁶⁷ Там же.

цы: «Оные медновские весьма добродетельные, как женский, так и мужской помы против прочих [туземцев]. Приписываю с моей стороны благодарность»⁶⁸. Эти индейцы чувствуют добро, сделанное им, отмечает Тарханов, не то что кадьякцы, эяки и якутатцы: «А прочие от Кадьяка до колож никакой благодарности не чувствуют, что бы ты им не делал.— Когда же делаешь и даришь, тогда несколько услуживают и то с обманом и леностию, а сами еще припрашивают, чтоб ты еще более наградил. Не дал, имеют гнев, славят, что худой!»⁶⁹.

Ценность этнографических заметок Тарханова заключается в том, что это — одно из наиболее ранних свидетельств очевидца, побывавшего среди индейцев Русской Америки, еще почти не испытавших влияния европейцев. Изучение этого источника позволяет уточнить многие детали и сведения по истории и этнографии Аляски, и в частности конкретизировать дату первого исследования русскими Медной реки. Включение «Журнала» Дмитрия Тарханова в научный оборот, несомненно, обогатит источниковую базу о Русской Америке и выявит новые стороны освоения Аляски русскими людьми.

---

⁶⁸ Там же. Л. 74.

⁶⁹ Там же.